

— Потом мы разругались, решили, что больше не будем иметь друг с другом ничего общего, — улыбка Папы погасла. — Так оно и вышло: больше мы и правда не общались.

— Почему? — снова спросил Янь Хан.

— Потому что я женился на твоей маме, — Папа вздохнул. — Лучше бы я этого не делал. Красавицей она не была, лучше бы я тогда пересилил себя и не женился.

Янь Хан смотрел на руку Папы, сжимавшую стакан: от напряжения костяшки пальцев побелели. Внутри стакана вино слегка подрагивало, расходясь мелкими кругами — было видно, что у Папы сильно дрожат руки.

— Ты ведь хочешь знать, как умерла твоя мама? — спросил Папа.

— Угу, — тихо отозвался Янь Хан и тут же пожалел об этом.

— В тот день ты спал очень крепко, и мы решили воспользоваться случаем, сходить поесть шашлыков. А когда возвращались, — Папа повернул голову и посмотрел на него, — кто-то прямо на улице пырнул человека ножом, а потом ограбил.

Сердце Янь Хана ухнуло вниз.

— Твоя мама бросилась туда. Очень решительно. Она всегда была такой, ни с каким ослом её не сравнишь, — говоря это, Папа вдруг рассмеялся. — Я тоже кинулся за ней, в таких делах по-другому и быть не могло.

Янь Хан застыл на стуле, слушая, как смех отца постепенно затихает.

— Я получил несколько ударов ножом, — продолжал Папа. — Когда я пришел в себя, мама лежала рядом. Я потянулся к её руке, а она уже была совсем холодная...

— Преступника поймали? — с трудом выдавил Янь Хан.

— Нет, — Папа посмотрел на него. — Но я запомнил, как он выглядит.

О маме Янь Хан слышал впервые, но эти события уже больше десяти лет тяжким грузом лежали у Папы на сердце.

Прошло слишком много времени, и он, кажется, совсем разучился об этом рассказывать. Он лишь беспрерывно пил вино, пока наконец не уткнулся лицом в стол и не уснул.

Янь Хан сидел рядом, отрешенно глядя на заставленный посудой стол и пустую бутылку перед отцом.

Этот их «разговор по душам» продлился меньше получаса.

Но на душе у него стало пусто.

Он знал, что мама умерла, но не ожидал, что всё произошло именно так.

Так внезапно, без подготовки, без единой мысли на этот счет. Она была словно прохожий, мельком показанный в кино, — незначительный персонаж, чьего лица даже не разглядеть.

Слишком простой несчастный случай.

По прошествии десяти с лишним лет, если не считать самых близких, никто уже не помнит об этом деле, даже если оно так и осталось нераскрытым.

Если об этом кто-то изредка и упоминает, никто не способен понять, что на свете есть человек, который все эти годы нес на себе бремя такой тяжелой боли.

Папа рассказал, что после случившегося его забрали Дедушка и Бабушка, а в четыре года он вернулся к отцу.

— Можно сказать, я тебя отвоевал, — сказал Папа. — Надо было забрать тебя пораньше.

У Янь Хана не сохранилось воспоминаний об этом периоде. Детские воспоминания часто похожи на сновидения, и чтобы они отложились в памяти, нужно, чтобы родители напоминали: «вот когда ты был маленьким», «в три года», «в пять лет».

А Папа никогда ничего подобного не говорил, поэтому Янь Хан и забыл.

Но он чувствовал, что те воспоминания были не самыми приятными.

Когда речь заходила о Дедушке и Бабушке, он испытывал неясное отторжение к этим людям, которые два года заботились о нем.

Папа спал беспокойно, время от времени открывал глаза, растерянно обводил взглядом комнату, а потом снова засыпал.

Янь Хан взял палочки и, потягивая вино, доел остывшие закуски.

— Вырастил на свою голову, — пробормотал Папа в полудреме.

— Иди в комнату спать, — сказал Янь Хан. — Разве удобно спать уткнувшись в стол?

— Какой же ты у меня Тайцзы, — Папа похлопал его по руке. — Какой же ты хороший.

— Раз уж до такого дошло, может, не стоит так рассыпаться в комплиментах? — усмехнулся Янь Хан.

— Какой же хороший, — голос Папы стал тише. — А я всё испортил...

Янь Хан нахмурился, поднялся, потянул Папу за руку, поднимая с места, и подвел к комнате:

— Ступай поспи.

— Скажи, я ведь эгоист, да? — бормотал Папа, уже лежа на кровати. — Я ведь думал, может, ну его... ради сына... Но я не смог всё оставить как есть. Она ведь рядом... рядом со мной...

Папа сжал кулаки:

— Её руки были такими холодными... Я виноват перед вами... Всю жизнь жалею. Если бы не познакомился с мамой, не женился... Если бы не послушался тебя, когда ты не хотел идти в школу...

Янь Хан сидел на краю кровати, дожидаясь, пока Папа уснет и перестанет что-то бормотать. Затем он выключил свет в комнате, вернулся в гостиную и унес посуду на кухню, чтобы вымыть.

Обычно в таком подавленном состоянии он оставил бы всё на завтра, но этот ужин выдался настолько тяжелым, что ему хотелось поскорее закончить с уборкой и стереть все следы этого неприятного вечера.

Приняв душ и вернувшись в комнату, он почувствовал, что его клонит в сон, хотя было гораздо раньше обычного.

Может, дело в вине — они с отцом часто выпивали вместе, но так редко: две бутылки меньше чем за час. В голове слегка шумело.

Последним, что он помнил перед сном, был экран телефона: он мельком взглянул на новый смайлик в кругу друзей Чу И.

Впрочем, сам смайлик он так и не запомнил, сразу провалившись в сон.

Янь Хан не любил сны. Когда сон был плохим, ему снилось всякое беспорядочное месиво, словно он одновременно посмотрел десяток посредственных мыльных опер. Хуже всего то, что после пробуждения он не мог вспомнить ни кадра.

Оставалась только усталость, словно он и не спал вовсе.

Но сны были ему неподвластны. Даже в такую ночь, когда, закрывая глаза, он чувствовал, что отрубится без задних ног, как в забытьи.

И всё равно ему приснилось.

Женщина средних лет и дядя.

Оба словно окутаны серым туманом.

Женщина плакала, при этом вцепившись ему в горло. Он не слышал звука рыданий и не чувствовал удушья... всё-таки это был сон.

Но страх был отчетливым.

Дядя сказал: «Я не хочу даже смотреть на него», а потом повернулся и уставился на него в упор: «Я не хочу видеть тебя».

Затем сцена сменилась.

«Умереть должны были вы».

Всё превратилось в осколки воспоминаний.

Дрожащие силуэты, еле слышные голоса, словно разорванные сильным ветром, обрывочные кадры, как сцены из недоигранного спектакля.

Всё исчезло в тот миг, когда Янь Хан открыл глаза и пришел в себя. Окружавший его хаос отступил в одно мгновение.

Так далеко, словно это был сон из далекого прошлого: цвета потускнели, звуки стихли, ощущения стали смутными.

Янь Хан нахмурился и потер глаза.

Он потянулся за телефоном: проснулся на полчаса раньше обычного.

Он сидел на краю кровати, ошеломленный остатками сновидения, которые вот-вот должны были рассеяться от одного выдоха. Спустя какое-то время он наконец спрыгнул на пол.

На ходу надевая тапки, он заглянул в комнату отца. Двери обеих комнат с вечера были приоткрыты — он хотел слышать, если Папе что-то понадобится.

В комнате было пусто, постель не убрана.

Янь Хан встревожился. Он направился в гостиную, выкрикнув:

— Старый Янь!

— В туалете я! — донесся голос отца.

— Что ты делаешь в туалете? — Янь Хан выдохнул с облегчением и тут же задал странный вопрос.

— Ну и вопрос, — отозвался Папа. — Думаешь, я там завтракаю? Хочешь, чтобы я ответил по существу?

— Чего бы тебе хотелось на завтрак? — спросил Янь Хан.

— Можно я сначала выйду? — ответил Папа.

— Извини.

Янь Хан улыбнулся и, подойдя к окну, сел на подоконник.

Сейчас было раньше обычного, и за окном слышалось веселое щебетание птиц на большом дереве.

Звуки природы в сочетании с видом на спящих туда-сюда людей помогли ему постепенно расслабиться. Он прислонился к раме, погрузившись в свои мысли.

Сегодня он снова не встретил Чу И, который обычно проходил здесь по пути в школу. Видимо, после того как вернулся Се Цзе, он больше не мог ходить этой дорогой — приходилось менять маршрут в зависимости от траектории передвижения Се Цзе.

— Пойдешь на музыкальный фестиваль? — Папа появился за его спиной, когда он даже не заметил.

— М? — Янь Хан обернулся. — Тот фестиваль, о месте проведения которого говорил Чу И?

— Ага, — кивнул Папа. — Если пойдешь, возьми меня с собой.

— Ты решил присоединиться к молодежи? — усмехнулся Янь Хан. — Ладно, возьму.

— Мне нужно подобрать одежду под стать тематике? — поинтересовался Папа.